

Три тетради

Прежде чем предложить вам историю, ради которой вы взяли эту книжку в руки, считаю необходимым сказать несколько слов от себя.

Много времени мне не потребуется. Но без моего краткого вступления непросто понять, почему публикация этих трех тетрадей под одной обложкой и к тому же в виде художественного произведения для меня лично если не дело всей жизни, то точно — результат определенных усилий.

Зовут меня Клим Rogозный, полное имя — Климентий. Однако, узнав, что родители назвали меня в честь Климентия Ворошилова, который умер именно в тот день, когда я родился, я поменял паспорт. Правда, вышло шило на мыло, потому что так называемого первого красного офицера все звали Климом, но тогда, в 1996-м, когда мы меняли советские паспорта на украинские, это был единственный спонтанный протест, который я мог себе позволить. Потому что тогда меня и так все знакомые знали как Клина. Согласитесь, переименовываться, скажем, в Петра было бы, как говорит мой сын-студент, тупо. И единственное, что я смог сделать, чтобы у самого себя не ассоциироваться с советским полководцем, — переписаться с *Климентия* на *Клина* и поменять в паспорте дату рождения. Теперь там записано *4 декабря 1969 года*.

Возможно, кому-то мои попытки хотя бы таким образом выдавить из себя советскую власть покажутся как минимум смешными. Однако я решил рассказать именно об этой небольшой детали, чтобы пояснить, почему в свое время оза-

ботился тем, чтобы сложить вместе три тетради и довести дело своего дяди Григория Титаренко до конца. Потому что в этой истории моя роль очень скромная. Главное в свое время сделал именно он, мой родной дядя.

Именно он собрал и записал в трех тетрадях все, что удалось узнать о командире УПА, взводном Даниле Червоном.

Именно на это дело Титаренко положил собственное здоровье и жизнь. А я только нашел тетради и довел его до конца.

С дядей Григорием я почти не общался при его жизни. Он был даже не близким родственником: двоюродный брат матери, или, как она сама говорила, кузен. Хотя были в нашей семье времена, когда мне казалось — человека ближе, чем Титаренко, для родителей не существует. Такое впечатление сложилось потому, что о кузене очень часто вспоминали. Правда, с возрастом я понял: о нем говорили не потому, что он был так уж близок моим родителям, а наоборот — они пытались держаться от него как можно дальше. Причем делали это иногда публично, отрешиваясь от кузена даже на семейных праздниках, когда за столом собиралось множество народу.

Тогда я еще был слишком мал и, признаться честно, верил в то, что советская власть — самая справедливая и лучшая в мире, потому у нее так много врагов. Одним из них, несомненно, родители считали мамино кузена. Как-то я подслушал их разговор, тогда же впервые услышал от папы: «Правильно, что его закрыли в дурдоме! Там ему и место! Это же лучше, чем куда-нибудь в лагерь, в Мордовию или на Урал». Мама соглашалась: «В лагере не выживет. И не перекуется. К тому же он теперь в больнице, значит, теоретически можно считать Гришу больным». — «Ага, лучше,

Содержание

Война после войны	5
Три тетради	8
Тетрадь первая МИХАИЛ СЕРЕДА	27
Тетрадь вторая ЛЕВ ДОБРОХОТОВ	153
Тетрадь третья ВИКТОР ГУРОВ	197
Благодарность	314